

ЕЛЕНА МАШУКОВА

Потому что ВОЛШЕБНЫЙ

СКАЗОЧНЫЕ ИСТОРИИ
СТИХИ

Для детей дошкольного
и младшего школьного возраста

Рисунки Марины Булоховой

Орёл
2019

УДК 82-3-1
ББК 84 (2Рос=Рус)6
М38

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Правительства Орловской области*

Художник Марина Булохова

0+

М38 **Машукова Е. А.**
ПОТОМУ ЧТО ВОЛШЕБНЫЙ: Сказочные истории. Стихи. Для
детей дошкольного и младшего школьного возраста. – Орёл:
Орловский Дом литераторов, 2019. – 72 с., илл.

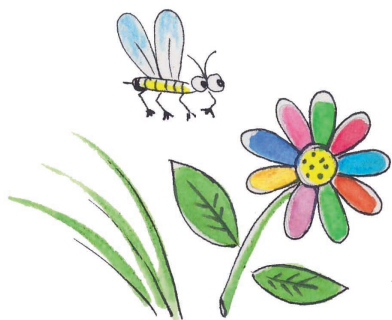
ISBN

Для чтения взрослыми детям.

ББК 84 (2Рос=Рус)6

© Елена Машукова, текст, 2019
© Марина Булохова, иллюстрации, 2019

Сказочные Истории

ПОТОМУ ЧТО ВОЛШЕБНЫЙ

Рассказ

Вот так живёшь-живёшь, вдруг – бац! – и «двойка» по природоведению. И тема-то пустяковая: «Физические явления». И правило Стасик знал: «Физические явления бывают механические, световые, электрические», и так далее. Мама обычно советует: «Ты, сынок, главное – правила учи, остальное придумаешь». Стасик так и делал. Двоек в его дневнике до сих пор не было.

А тут четверть кончается, урок последний, и на улице – первый снег. Сидит Стасик на уроке, в окно смотрит, думает: «Вот какое явление природы красивое – первый снег: белое, светлое, пушистое, как праздник! Только никто его не замечает. Все глядят на учителя или в учебник...»

Алёнка, соседка по парте, листок из тетрадки на мелкие кусочки порвала, клочков на парту насыпала и фокусы показывает. Сначала завитушку-кисточку на косе причёсывает, а потом расчёску к этим бумажкам подносит. Они подпрыгивают, как живые, сами на расчёску садятся, прилипают даже. Вечно девчонки что-то странное выдумывают.

– Станислав, быть может, вы нам ответите на вопрос? О каком физическом явлении речь? Почему кот

испускает искры, когда его гладят?

Учитель – вдруг – возле парты, наклонился, внимательно глядит через толстые стёкла очков. Внутри становится холодно, словно первый снег добирается до самого сердца. Чужим, почему-то охрипшим голосом Стасик выкрикивает:

– Потому что он волшебный!

В классе хихикают. Друг Колька закрыл руками лицо: тоже, наверное, смеётся.

– Ну что же, Станислав, с домашним заданием вы не справились. Придётся поставить «два».

Звонок. Все домой бегут. А первый снег идёт медленно, хлопьями. И Стасик идёт медленно по белой дорожке, наступает на чьи-то талые следы, на лёгкие снежинки. Сейчас мама расстроится. Если дневник под шкаф спрятать или под диван, сразу не увидит, а потом узнает всё равно.

Рядом зоомагазин, на вывеске-плакате рыжий нарисованный кот облизывается. Стасик поднимается на крылечко, толкает прозрачную дверь. В магазине покупателей нет. Чирикают попугаи в клетках. Шуршат соломой кролики. Продавец – бородатый дяденька – читает пёстрый журнал.

– Здравствуйте! А вы случайно не знаете, почему на спине у кота появляются искры, если его погладить?

– Знаю, конечно, – продавец улыбается. – Потому что он волшебный!

Стасик отворачивается, хочет уйти.

– Постой, мальчик! Тебя как зовут?

– Стасик. Стас.

– А что это значит? – удивляется продавец.

– Не знаю, – пожимает плечами Стасик. – Просто маму Анастасия зовут, и папа сказал, что меня в честь неё назвал, потому что у нас с ней глаза одинаковые.

Теперь продавец улыбается так, что сквозь бороду видно белую полоску зубов.

– Ну смотри, кто тут у нас появился...

Напротив, за стеклом аквариума, шагает на единственной ноге большущая, величиной с абрикос, улитка: жёлтая, круглая, свой дом на спине несёт. Усы на рогатку похожи, над усами – золотистые глазки: то налево посмотрит, то направо, а то и сразу во все стороны. Поднялась улитка до самого края воды и через трубочку дышит-качается. А ротик у неё колечком, будто песенку поёт.

«АМПУЛЯРИЯ гигантская. 20 руб.» – прочитал на ценнике Стасик.

– Хочешь такую? – дяденька-продавец подошёл к Стасику. – Только она долго без воды не проживёт. Аквариум нужен или банка с водой.

– У нас дома банка есть, и вода тоже.

– Вот и славно! Давай, Стасик, двадцать рублей, и она твоя.

Мальчик перебирает в кармане монетки – мама на проезд оставила. От школы до дома две остановки на трамвае. Но можно и пешком.

Бородатый дяденька ловко вытаскивает улитку из аквариума, кладёт в прозрачный пакет. Улитка сразу сжимается – прячется, захлопывает коричневую

дверцу в круглом домике.

– А как же она без воды-то? – удивляется Стасик.

– Ампулярия может хорошо себя чувствовать без воды несколько часов. Ты её в карман положи, ей тепло важнее.

Стасик отдаёт деньги. Снова шагает по белой нарядной улице: за спиной – ранец, в кармане – улитка. «Ам-пу-ля-ри-я, – произносит нараспев Стасик. – Какое имя особенное!»

На трамвайной остановке ждут трамвай две старушки. Под лавочкой поджал хвост и лапы, распушил шерсть чёрный бездомный кот. Стасик долго гладит его по спине:

– Ты волшебный?

Кот жмурится, урчит: «Г-р-р-р...т-р-р-р...». На чёрной кошачьей спине то появляются, то пропадают снежинки. Кот прижимается к Стасику озябшим боком, трётся щекой об штаны. «Где же искры? – думает Стасик. – Может быть, снег мешает увидеть их, а дома они появятся?»

Стасик берёт кота на руки, входит в трамвай. Внутри тепло, народу мало, есть свободное место впереди, почти рядом с водителем. Стасик смотрит через лобовое стекло на рельсы, на встречный трамвай, на дорогу и представляет: он машинист, ведёт скорый поезд в далёкую страну, где живут золотые ампулярии, а коты, если их погладить, пускают вокруг разноцветные искры, похожие на фейерверк... Волшебный кот уснул на его коленях, а в кармане греется жёлтая улитка величиной с абрикос.

– Билетик покупаем, гражданин ученик? – спрашивает высокая девушка-кондуктор.

Стасик руку в карман – а там вместо монеток только улитка в мокром пакетике. Совсем забыл, что всё истратил.

– У меня только ампулярия. А денег нет. Извините. Я улитку купил, понимаете?

И протягивает пакетик с улиткой.

– Ну что ж, давай твою улитку-ампулярию. Вот билет. – Кондуктор выдаёт мальчику билет, а улитку кладёт в сумку с деньгами.

– Нет! – вдруг кричит Стасик. – Ей нельзя с деньгами! Ей вода нужна! Ей холодно! – Внезапные слёзы обжигают ему щёки, давят на горло, не позволяя дышать. – Заберите билет! Отдайте её! Я выйду!

Кот просыпается, поднимает голову.

– Да ладно, езжай! – машет рукой кондуктор. – И улитку свою заberi. Вот мама обрадуется!

Когда мама придёт с работы, Стасик уже пообедает, сделает уроки и даже выбросит мусор. Мама устало скинет сапожки, потащит на кухню тяжёлые пакеты с продуктами.

– Стас, я пришла. – Окликнет она. – И что это на обеденном столе новая кастрюля делает? Ты зачем её тут поста...

Из кастрюли на маму будут смотреть два золотистых глаза. Гигантская ампулярия ненадолго покинет кастрюльное озеро: пожелает познакомиться. Мама сядет на стул и почему-то забудет, что хотела

сказать. Она вопросительно посмотрит на сына, а Стасик крепко прижмёт к себе чудовищно пушистого чёрного кота. Тот делает вид, что не имеет никакого отношения к сегодняшним событиям и спрячет глаза.

– Мама, мама, смотри, что кот умеет!

Мальчик возьмёт маму за руку и её рукой станет гладить кота по спине. «Тр-р...тр-р...» – услышит мама.

– Ну, давай, кот! Пускай искры! Ты же умеешь! – Теперь они будут гладить кота вдвоём. Но фейерверк не получится.

– А почему у твоего кота усы белые? – спросит мама.

– Не знаю, наверное, порода такая...

Стасик пожмёт плечами и прошепчет:

– Мам, ты только не расстраивайся, ладно? Я сегодня «двойку» получил. По природоведению.

Он отступит к стене. Сами собой разожмутся объятья. Кот спрыгнет на пол и на всякий случай залезет под стол. Мама вздохнёт, подойдёт к Стасику и нежно поцелует его русую макушку.

КАК ВОРОНА НА СОВУ ОБИДЕЛАСЬ

Сказка

Когда-то у всех птиц на Земле были одинаковые перья. Птичьи сапожки, штаны, рубашки и даже шапочки – всё серого цвета. Спрячется серая птичка в ветвях или у корней деревьев, в кустарнике – лиса пройдёт мимо, не заметит ни самой птички, ни её гнезда. Но иногда случались недоразумения. Захочет, например, дятел с другом поздороваться, подлетит – хлоп его по плечу! – а вместо друга-дятла голубь лесной или, что ещё хуже, – хищная какая птица. Тут только успевай, крыльями маши, улепётывай.

Однажды собрались птицы на совет: как быть? Попросили Сову – самую мудрую птицу в лесу:

– Сова, ты давно живёшь, долго тут сидишь, много видела и знаешь. Подскажи, что надо сделать, чтобы издали видно было, какая птица летит: родственница и помощница или обжора и забияка.

Ударил Сова в волшебный бубен три раза, облетела поляну, на которой птицы собрались, и отвечает:

– Угу, знаю, что надо делать. Но помните, что не только вы будете издали видеть и узнавать друг друга, – лиса и волк тоже будут знать, где какая птица, и прятаться вам станет труднее.

– Ничего, – расхрабрились птицы, – нас много, мы

вместе и лису, и волка прогоним.

– Тогда прилетайте завтра утром.

Всю ночь Сова не спала: лесные цветы и ягоды собирала, готовила краски.

Утром началась в лесу суета. Каждой птице хотелось быть самой красивой, самой заметной.

Сова очень старалась. У Зимородка спину и хвост голубым покрасила, клюв – красным, а рубашку сделала оранжевой. Чижу всю спинку зелёным разрисовала, а полосы на крыльях и хвосте – жёлтым. Зяблику синяя шапочка досталась и красный фартук. Хватило красной краски и на шапочку Дятлу, и Журавлю на козырёк, и Снегирю на грудку, и Гусю на сапоги. Клётс с женой прилетел. Себе красные пёрышки выбрал, а жене – зелёные и жёлтые.

И все птицы довольны, все Сову благодарили и одежду новую друг перед другом расхваливали. Весело в лесу стало, светло и ярко. А лисе на обед никто не достался, потому что в зарослях цветов, в зелёной и жёлтой листве пёструю птичку разглядеть всё же нелегко.

Одна только Ворона сидела на ёлке угрюмая, ни с кем не разговаривала, никого не хвалила. Никогда никто в вороньей семье перья не раскрашивал, ни мама, ни бабушка. Очень боялась Ворона серые перья на цветные менять. И не могла выбрать, какой цвет ей больше всех подойдёт. Посмотрела на крылышки чижа и решила, полетела к Сове:

– Покрась меня таким цветом, как у Чижа полосы.

Сова удивилась, но просьбу исполнила, стала Ворона жёлтой. Помчалась к озеру, на себя полюбоваться. Увидели жёлтую Ворону лягушки и давай смеяться. Ворона опять к Сове:

– Не подходит мне этот цвет, хочу перекраситься. У Снегиря грудка красивая. Хочу такой быть. Вся.

Вздыхнула Сова, но красную краску не пожалела. Хорошо Ворону покрасила. И грудку, и крылья, и даже нос – красными у Вороны стали. Вспорхнула красная Ворона на ветку, крылья расправила и сушит на солнышке. Белочка увидела и спрашивает:

– Ах, бедная Ворона, что с тобой случилось? Не охотник ли тебя ранил? Или ты заболела?

Рассердилась Ворона, толкнула Белочку с ветки, к Сове вернулась.

– Синей хочу быть, как шапочка у Зяблика, как небо, как озеро. Перекрашивай скорей!

И снова Сова перечить не стала. А синяя Ворона к вечеру попросила сделать её зелёной, а утром – оранжевой, потом – фиолетовой, пока ей самой краситься не надоело.

Прилетела к Сове последний раз и спрашивает:

– А нет ли у тебя, Сова, цвета особенного, не яркого, не тусклого, которого никто не видел, кроме тебя?

– Отчего же, знаю такой цвет, – кивает Сова. – Я его вижу ночью, когда все птицы спят. Садись, глаза закрой, чтобы краска ровно легла.

И Сова покрасила перья Вороне в чёрный, как ночь, цвет.

Открыла Ворона глаза, оглядела себя, и снова ра-

зозлилась, да поняла – сама виновата. О чём просила, то Сова и выполнила. Чёрный цвет – не яркий, не тусклый, никто его раньше не видел, потому что ночью все спят. Тут дождь пошёл. Все птички под листвой спрятались, а Ворона вышла на поляну и Сову ругает, что опять не так её покрасила. Пока ругалась, половину чёрной краски дождём смыло, перья на спине снова серыми стали.

– Крась меня быстрее снова, – кричит Ворона – крась, не видишь – краска не крепкая?

– Не могу, – отвечает Сова. – Краска кончилась.

Затаила Ворона зло на Сову и улетела куда глаза глядят.

С тех пор вороны сов не любят, прогоняют. Но случается это редко, потому что совы живут в лесу, а вороны с тех пор – в городе.

А лесные птицы решили Сову отблагодарить, и как только дождь кончился, каждая спела для неё свою любимую песенку. Сова собрала все песенки в мешок, сплетённый из луговой осоки, добавила в него песенку кузнечика, солнечный лучик и маленькое облачко. А потом ударила в волшебный бубен три раза, облетела поляну, на которой птицы собрались, встряхнула мешок, и выпорхнули из него белые, жёлтые, красные, синие кружевные бабочки, маленькие и большие, разлетелись по лесу. Сколько песенок, столько и бабочек.

ОЧЕНЬ ШУМНЫЙ ПЁС

Сказочная история

Разные бывают собаки. Некоторые играют тихо и бегают неслышно. Они молчат, даже когда в дом приходит вор, и нападают на него неожиданно, с гордым достоинством. Другие лают от радости, встречая хозяина, или предупреждают рыком: не подходи, чужой, здесь живу я. Очень Шумный Пёс всегда всё делал шумно. Во сне он громко храпел и сладко посапывал. За обедом аппетитно причмокивал, лакал и звенел миской. Когда он ходил по комнатам, то пол скрипел, стулья падали, а двери хлопали. Представьте только, как он визжал и лаял, гоняя мяч!

Во дворе он с ногами забирался на лавочку и гавкал во все стороны: «гав-гав», а потом опять «гав-гав», а потом опять... И так до тех пор, пока на небе не появилась луна. Сначала Очень Шумный Пёс смотрел на неё, вытянув шею, и скулил потихоньку, а потом вспоминал какую-то свою грустную собачью песню и долго, протяжно выл, совсем как волки зимой.

«Этот шум невозможно терпеть!» – кричали из окон. И каждое утро, просыпаясь, Пёс давал себе клятву, что больше никогда, ни за что не будет шуметь, и очень старался всё делать тихо, но шум неожиданно появлялся сам собой. Например, идёт по лестнице

Сосед, когда его никто не ждёт, стучит в свою соседскую дверь и звенит ключами. Или Страшно Трусливый Воробей прыгает по подоконнику. И тогда Очень Шумный Пёс забивается под кровать в самый дальний угол, прижимает уши и считает до трёх (дальше он не умеет). А потом всё начинается сначала: скрип, грохот и лай!

Надо сказать, что у Очень Шумного Пса был очень тихий Хозяин. Такой тихий, что все думали, что его нет вовсе. Но Очень Шумный Пёс точно знал, что Хозяин есть. Просто он часто и надолго куда-то уходил. А потом возвращался грустный и тихим голосом говорил: «Прости, мой друг, я очень устал и хочу выспаться. Вот поешь и пойдешь погуляй без меня». Тогда Хозяин доставал из синей спортивной сумки какую-нибудь вкусную еду, какую-нибудь косточку, обязательно с мясом, выкладывал в миску для Очень Шумного Пса и ложился на диван спать. Он умел спать даже тогда, когда всё вокруг звенело и грохотало.

Но однажды Хозяин сказал совсем другие слова: «Собирайся, мой друг, мы поедем на море. Тебе понравится!» Очень Шумный Пёс не знал даже, что делать – радоваться или огорчаться. Он никогда не был на море и не знал, какое оно. Но на всякий случай начал собираться: лаять и визжать, сопеть и звенеть миской, бегать по комнатам, скрипеть полом, ронять стулья и хлопать дверьми.

«Подумаешь, море!» – воскликнула Ужасно Нервная Ворона. Весьма Солидный Кот фыркнул, будто в нос ему попала вода, а Страшно Трусливый Воробей

чирикнул: «И чего так суетиться? Ключи не забудь!»

Море оказалось очень странным: огромным-огромным, искрящимся от солнца, мокрым и... шумным. Море плескалось, звенело, накатывало, шуршало галькой и шипело пеной. А над ним хлопали крыльями и пронзительно вскрикивали чайки. А ветер пел и шелестел деревьями на берегу. И даже Хозяин громко кричал «эй-е-ей!», смеялся и шлёпал по воде босыми ногами. Очень Шумный Пёс слушал очень шумное море, очень шумных чаек, очень шумный ветер, очень шумного Хозяина и молчал. Он сидел на берегу тихо-тихо, потому что нельзя делать два разных дела одновременно: невозможно сразу и шуметь и слушать.

Очень Шумный Пёс думал: «Как жаль, что никто: ни Ужасно Нервная Ворона, ни Весьма Солидный Кот, ни Страшно Трусливый Воробей, ни Сосед не слышат, как прекрасно шумит море». А потом он бежал за Хозяином по кромке воды и плескался, и нырял, и хлопал ушами, отряхиваясь, и визжал, и восклицал во все стороны: «Гав-гав!», а потом опять: «Гав-гав!», а потом опять... Он первый раз делал это с удовольствием.

КАК ГРУСТНАЯ КУКУШКА СВОЙ ДОМ ИСКАЛА

Сказка

Жила в лесу Грустная Кукушка, не было у неё своего домика – ни норки, ни гнёзда. Просто так, на ветке жила, где придётся. А потому настроение у неё обычно было пасмурное, как осеннее небо, и чувствовала она себя очень несчастной, ведь трудно быть счастливым, если нет у тебя своего дома или хотя бы небольшого скворечника.

Сидела однажды Грустная Кукушка на большой берёзе и плакала:

«Ку-ку, ку-ку...»

В это время пролетала мимо Ужасно Нервная Ворона.

– Нет, это уже невозможно слушать! – воскликнула она. – Дорогая, ты своим «ку-ку» скоро доведёшь всех до нервного стресса!

Грустная Кукушка вздохнула и опять:

– Ку-ку, ку-ку.... Не везёт мне в жизни, нет у меня своего гнёздышка.

– Это потому тебе не везёт, что птица ты бесполезная! – Ужасно Нервная Ворона устроилась неподалёку, раскачивая ветку, и продолжила:

– Другое дело я! Всем, чем могу, людям помогаю.

Потому и жилплощадь у меня в городе имеется. В экологически чистом районе, между прочим.

– И как же ты помогаешь? – спросила Грустная Кукушка.

Ужасно Нервная Ворона, взмахнув крыльями, подпрыгнула:

– Как? Это все знают! Все! Я убираю мусор! Я – Главный Санитар Города! Люди-то сорят – а я убираю, а они опять сорят! Ни дня, ни минуты отдыха! Как много работы!..

Ужасно Нервная Ворона сердито бормотала и каркала, а Грустная Кукушка задумалась: «Но я не умею убирать мусор. И что же мне делать?»

– Что и говорить! – махнула крылом Ужасно Нервная Ворона. – Одно слово – бесполезная!

И улетела.

Грустная Кукушка отправилась в город. Домов здесь было много: больших и маленьких, кирпичных и деревянных, высоких и не очень, с окнами, лестницами и даже с балконами. Но во всех уже кто-то жил.

Грустная Кукушка перелетала с ветки на ветку, заглядывая в окошки, и очень надеялась, что найдётся что-нибудь и для неё. За оконными стёклами пылились цветы и колыхались на сквозняках занавески, подпрыгивали серые мухи и раскачивались на паутинках серебряные паучки; а где-то в глубине этого неведомого для Грустной Кукушки мира, то появляясь, то исчезая, вздыхали, вскрикивали, разговаривали, пели песни и шептались тени и очертания людей.

День шёл за днём, а подходящего жилища не находилось.

Повстречался как-то Грустной Кукушке Страшно Трусливый Воробей. Но на этот раз он почему-то представился как Воробей Шустрый. Воробьи, конечно, встречались ей и раньше, но этот оказался особенно разговорчивым.

– Чего клюв повесила, подруга? – спросил он, как это и свойственно городским воробьям, на лету. – Давай со мной, угощу. Тут неподалёку кафе открыли. Лучшая точка в городе.

Грустная Кукушка обрадовалась случайному собеседнику и сразу же полетела рядом. Не потому, что была голодна, а потому, что устала от одиночества – ей очень хотелось с кем-нибудь поговорить.

– А почему лучшая? – спросила она.

– Да там повар – стажёр. Еды так много готовит, что к вечеру на улицу ставит. В одном ведре тебе каша, в другом – овощи, в третьем – суп гороховый. И каждый день новое меню.

Грустная Кукушка не знала, что такое, это «меню». Но Шустрому Воробью поверила. Из-за дверей кафе доносились звон посуды и голоса: «Тьфу, есть невозможно!», «Да моя кошка лучше яичницу готовит!» Почти полные вёдра с едой уже были выставлены за дверь. Неподалёку лениво прогуливалась пара голубей.

Пока Шустрый Воробей с аппетитом клевал пшённую кашу, Грустная Кукушка рассказала ему о своей беде: мол, нет у неё своего дома, негде от дождя, от

ветра укрыться, негде и кукушат растить.

– Эка беда! – воскликнул Шустрый Воробей. – Ты же птица лесная – гнездо свей!

– Да не получается у меня, – вздохнула Грустная Кукушка. – Сирота я. Научить некому было. Так всю жизнь с ветки на ветку и скачу...

– Ну тогда, как мы, воробьи, под крышу какую-нибудь заберись. Укромных местечек, вполне пригодных для жилья, много. И нам, воробьям, места хватает, и стрижам, и другим городским птицам. Я думаю, и тебе хватит. – Шустрый Воробей сладко потянулся, взъерошив пёрышки, и не прощаясь, улетел.

Теперь Грустная Кукушка стала внимательнее присматриваться к тому, где и как живут городские птицы. Воробьи облюбовали уютные местечки под балконами и свисающими краями крыш – застрехах. Их небольшие гнёздышки сложены из тонких веточек и соломинок. Городские вороны и галки устроились в парках и сквериках, на самых высоких деревьях. Воронье гнездо издали чёрное и всклокоченное, как клякса. Видела Грустная Кукушка и круглое, прочное гнездо сороки, снаружи как будто из веточек сплетенное. Ласточки и стрижи тоже лепят свои домики из комочков влажной глины, но прикрепляют их не к деревьям, а к стенам домов, под выступами и навесами. Иногда они устраивают гнёзда даже в старых дымоходах.

Большая холодная туча зацепилась за деревья. Сначала порывы ветра несли вдоль улиц клубы пыли вперемешку с мелкими ветками и мусором. А потом

начался ливень. Грустная Кукушка летела, куда глаза глядят, лишь бы побыстрее спрятаться от проливного дождя. И тут в одном из домов, прямо под крышей, увидела дыру от выпавшего из стены кирпича и забралась в неё. Это был ход на просторный чердак, где уже нашли пристанище несколько голубиных семей.

– А у нас гости, ребята! – один из отцов семейства хлопнул крыльями и выпрыгнул из темноты прямо навстречу Грустной Кукушке. – Позвольте представиться, мадам, Голубь Сизый, к Вашим услугам!

Озябшая и растерянная Грустная Кукушка сначала даже ответить ему не смогла. Голубки обступили её и стали с интересом разглядывать: «Что за птичка! Приезжая, наверное?!», «А крылышки какие! Сапожки оранжевые! Жаль, у нас сейчас такое не носят!», «Вы только посмотрите, какой у неё хвостик! Я такого ни у кого не видела!»

Оказалось, что голуби – довольно приветливые и дружелюбные птицы, к тому же несуетливые, вежливые и не жадные. Правда, гнёзда их, неряшливо сложенные из редких прутиков и стебельков, кукушке не очень понравились. Новые знакомые тут же пригласили залетевшую гостью поклевать пшена из разорванного пакета, невесть кем и почему забытого тут, и были нимало удивлены, когда она отказалась. Голубь Сизый попытался уговорить Грустную Кукушку поужинать:

– Дорогая, не стесняйтесь! Пшена много, а когда закончится – не беда. На улицах этого города еды достаточно.

– Я не стесняюсь, – ответила она. – Я просто не ем пшена.

Голубки зашептались: «О, у неё хватает силы воли соблюдать диету!», «Конечно, обидно потерять такую прекрасную фигуру!», «Я знала, что она иностранка!»

– Прекратить галдёж! – Голубь Сизый махнул крылом в их сторону и снова обратился к кукушке. – Если не трудно, будьте добры, подскажите, чем вас угостить, прекрасная незнакомка. А ещё нам не терпится узнать, кто вы и откуда прибыли в наш город?

– Меня зовут Грустная Кукушка. Я прилетела в ваш город из леса, потому что мне негде жить. Нет у меня в лесу своего гнезда, – кукушка вздохнула. – Большое спасибо за гостеприимство. Вы очень добры. Я и правда, сейчас бы поужинала, но моя любимая еда – мохнатые гусеницы. А по праздникам – небольшие лягушки и ящерицы.

Пока голуби совещались, как бы угодить гостю, Грустная Кукушка огляделась по сторонам.

Чердак большой, просторный, но завален всякой всячиной: старыми газетами, верёвками, узлами, сломанными стульями. Зато сюда не могут добраться ни дождь, ни ветер. Здесь вполне можно было бы устроить гнёздышко. Сначала Грустная Кукушка решила так и сделать. Лепить и плести она ничего не стала, боясь, что ничего путного у неё из этого не выйдет, а просто устроилась в старенькой ивовой корзине у самого выхода.

Добродушные голуби снисходительно отнеслись к

странностям новой знакомой. Окружив её заботой и вниманием, они помогали, как только могли. Опытные голубки рассказали, как сделать гнёздышко мягким и уютным для будущего птенчика, пожилые голуби раскрыли секрет, как обмануть хитрого полосатого Восьма Солидного Кота, а Голубь Сизый показал ближайший фруктовый сад, в котором водились необыкновенно разноцветные мохнатые гусеницы.

Вскоре и погода установилась – переменчивая майская уступила место настоящей летней жаре. А погружённые в семейные хлопоты хозяйственные голуби почти потеряли интерес к соседке, живущей в корзине напротив. Грустная Кукушка, поначалу несказанно благодарная судьбе за такую удачу, снова затосковала. С каждым днём она всё реже заглядывала на чердак. В парке было гораздо интереснее. Она усаживалась на самую крепкую ветку самого высокого тополя и вспоминала, как хорошо ей жилось когда-то в лесу.

В городе – пыльно и шумно, а Грустная Кукушка любила чистый воздух, наполненный ароматами трав и мягким шелестом листьев. По дорожкам парка то катили с треньканьем и шуршанием велосипеда, то пробегали с громким лаем собаки, то прогуливались городские жители с плачущими капризными малышами, а в репродукторах, висящих на фонарных столбах, постоянно кто-то пел. А Грустная Кукушка предпочитала тишину и уединение. Сколько же дней прошло с тех пор, как она перебралась из леса в город?

И тут она обнаружила, что умеет считать. Две белки на ёлке. Три облачка на синем небе. Четыре вороньих гнезда между тополиными ветками. Двенадцать воробьёв около ларька. Вот это было здорово! До сих пор Грустная Кукушка и не подозревала, что умеет делать что-то особенное. Пусть Ужасно Нервная Ворона умеет убирать мусор, воробьи – плести гнёзда, стрижи и сороки – лепить уютные домики. Но они не умеют считать! А Грустная Кукушка умеет! И может посчитать всё, что угодно.

Ей не терпелось поделиться с кем-то своим открытием.

Внизу по траве вышагивал, размахивая панамкой, пухлый розовощёкий карапуз. Рыжеволосая раскрасневшаяся дама, сидевшая рядом на лавочке, приговаривала:

– Павлуша, внучек! Сколько раз бабушка сказала, не снимай панамочку, солнышком напечёт!

– Ку-ку, ку-ку, ку-ку. – Отсчитала Грустная Кукушка.

– Вот, даже кукушка слышала, что три... – продолжала с изумлением в голосе заботливая бабушка. Теперь она вертела головой во все стороны, пытаясь разглядеть, где же прячется такая умная птица.

– Ой, кукушка-кукушка, скажи, сколько мне ещё лет жить осталось?!

Грустная Кукушка сначала подумала, а потом громко, с выражением ответила:

– Ку-ку, ку-ку, ку-ку, ку-ку, ку-ку, ку-ку... – Она всё куковала и куковала, без перерыва, без отдыха.

Дама с внуком-карапузом давно ушла. Солнце пронизывало листву ослепительными закатными лучами. Грустная Кукушка наконец-то почувствовала себя по-настоящему счастливой. Нет, она не бесполезная птица, как назвала её однажды Ужасно Нервная Ворона. И жить в лесу, наверное, не так уж и плохо, пусть и без собственного гнезда. Ведь там она родилась. Значит, и у неё есть свой дом. Просто он очень большой! Весь лес.

ГДЕ КОНЧАЕТСЯ ДЕРЕВО

Сказочная история

– Дорогая, ты уверена, что этот кот – уроженец нашего города? Возможно, он прилетел с другой планеты или воспитывался в оперном театре. Интересно, это баритон или бас... Пожалуй, бас-профундо, хотя...

Так однажды утром размышлял вслух Пётр Валентинович - учитель сольфеджио и по совместительству хозяин Весьма Солидного кота.

– Ой, глупостей не говори, я его у Ларискиной кошки взяла, ещё котёнком. Поспать дай. – услышал Пётр Валентинович в ответ сонный шёпот супруги и, грустно вздохнув, сел на кровати.

– Хм, поспать.... Я бы тоже хотел поспать.

Часы показывали половину пятого утра. За окном ещё темно. Дверь спальни дребезжала под напором мощных когтей.

«Мао! Мао!» – вопил Весьма Солидный Кот редкой черепаховой породы. Так он пытался намекнуть, что наступило утро и пора бы позавтракать. Но вместо звона кастрюль и мисок Кот вдруг услышал какие-то странные слова, а потом совершенно неожиданно оказался на улице.

За дверью подъезда таял март. Снега не было, но и трава пока ещё не пробилась сквозь едва оттаяв-

шую, влажную ещё землю. Проявившиеся под весенним солнышком клумбы дышали теплом, светились водой, застоявшейся в ямках. Кот замер на крыльце, растопырив четыре намокшие лапы, недоумевая: за что?!

– Выгнали! Выгнали! – Ужасно Нервная Ворона раскачивалась на мокрой ветке, совсем рядом.

– Не выгнали, – буркнул Весьма Солидный Кот, – а бережно вынесли погулять, чтобы я лапы в пыльном подъезде не испачкал.

– Что-то рановато тебя вынесли, – ухмыльнулась Ворона. – Небось, и позавтракать не успел.

– Сначала утренняя пробежка – потом завтрак, – промямлил Кот и уселся на пушистый, аккуратно подстеленный, свой же хвост. Хвоста было жалко, но кошачье здоровье дороже.

Вообще-то, жизнь обычно баловала этого пышно-го мурлыку. Хозяйка Наташа, на редкость заботливая и ласковая, каждый вечер чесала его за ушком, разглаживала нежной ладошкой непослушную шерсть на кошачьей спинке и приговаривала: «У, ты мой усатенький-полосатенький!» А Весьма Солидный Кот в это время блаженствовал, потягивался и думал: «Не полосатый я, а черепаховый! Редкая порода!»

Его купали и расчёсывали, кормили и угощали, холили и баловали. Поэтому каждый раз, когда к хозяйке приходили гости и впервые видели Кота, все с восторгом говорили: «Ого, какой у вас важный кот! Хвост трубой, грудь колесом! Какая порода? Редкая, наверное». А Кот согласно жмурился, и отправлялся

подремать на уютный лежачок возле батареи. Он думал так: «Да, я очень Важный Кот, Весьма Солидный! Редкий, черепаховый! Да если бы я был человеком и ходил на двух ногах, у меня наверняка был бы свой офис. И личный водитель. Или даже вертолёт. И два, нет, три ведра свежего минтая каждое воскресенье!»

Приятные воспоминания рассеялись, как только в животе что-то крякнуло и тихонечко так присвистнуло. Кот икнул.

– Это всего лишь трагическая случайность! – неосторожно громко произнёс он.

– Учись отличать случайности от закономерностей, а не то случайности займут место закономерностей! – философски посоветовала Ужасно Нервная Ворона. – Ну, до встречи! Мне на работу пора!

На этот раз Кот ничего не ответил. Потому что ничего не понял из сказанного Вороной. «Надо же, какие птицы разговорчивые бывают! Лети, лети! Работай! – подумал он, глядя ей вслед. – А я ещё здесь посижу. Сейчас хозяйка Наташа проснётся и назад меня позовёт».

Рассвело. Пришёл дворник Вениамин. Взмахнул растрёпанной метлой. И увидел Кота.

– А ты здесь откуда, полосатый?

«Я не полосатый! Я че-ре-па-хо-вый!» – подумал Кот и отвернулся. Ещё не хватало – с дворником разговаривать.

– Потерялся? Заблудился? Ах ты, бедолага! – Веня наклонился и заглянул в несчастное, но надменное

кошачье лицо. Или морду. – А может, ты с балкона свалился? Интересно, с какого этажа?

Дворник начал разглядывать балконы, пытаясь угадать, с какого из них мог сорваться кот. Дом старый, трёхэтажный, с покатой крышей и высокими узкими окошками. Всего-то два подъезда да четыре крошечных балкончика. А вокруг – такие же старые, как дом, тополя. Когда-то давно их посадили здесь первые жильцы. Тогда и деревьями эти тополя вроде как не были – всего лишь чёрные прутьики, сиротливо торчавшие из пересыпанной камнями земли, дрожащие на ветру и замерзающие под холодным дождём веточки в тени кирпичных стен. Теперь они стали такими высокими и сильными, что рядом с ними дом выглядел совсем небольшим. И даже Весьма Солидный Кот иногда смотрел на эти деревья снизу вверх и удивлялся: «Какие же они высокие... Интересно, где они кончаются?»

Тут уместно добавить, что Весьма Солидный кот оказался на улице в столь раннюю пору не в первый раз. Не то чтобы он любил утренние прогулки, скорее – любил рано завтракать. Но это, к сожалению, редко совпадало с желаниями хозяйки.

Каждый раз, когда кота выставляли из дома на прогулку, на помощь приходили эти высокие деревья. Они всё видели сверху, всё помнили, всех узнавали и в трудную минуту рады были помочь каждому – и человеку, и коту...

Вот и на этот раз Кот примерился-прицелился на ближайший выступ-сучок. Надо было прыгать.

Р-раз – и когти вцепились в сырой шероховатый ствол старого тополя. Два, три – и Кот уже машет хвостом с ветки, на которой только что сидела Ужасно Нервная Ворона.

Дворник Вениамин лишь ухмыльнулся, увидев это:

– Э, брат, да ты, как белка в лесу, прыгучий! Не пропадёшь, значит.

А Кот присматривался: ещё несколько прочных раскидистых веток – всего-то пара прыжков – и вот он – родной балкончик, а там и форточка открыта.

Штррык... ширк... Что это? Шкрр... Что за звук?

Хотел домой вернуться, да передумал. Остановился. Замер. Голову поднял. Усы вытянул. Высоко-высоко на дереве, там, где уже почти крона, – не то птичка какая-то, не то мышка.... Листьев ещё нет, только почки набухли и пахнут горько. И что мышка на дереве делает? Мышки в норах сидят. Птичка, наверное. Ма-аленькая, коричневая, с чёрными и серыми полосками. Как будто воробышек взерошенный. Нет, не воробей. Неизвестная птичка. Подпрыгивает, а не летит. Почему не летит? «Штрыкает», а непонятно – что. Зачем «штрыкает»?

И тут забыл Кот, что он – Весьма Солидный. И что в форточку только что запрыгнуть хотел, тоже забыл. Решил получше птичку рассмотреть, а заодно узнать, не там ли кончается дерево, где эта малявка штрыкает. И полез наверх. Даже не заметил, как на десять метров по стволу поднялся, и ещё раз на десять. Тише, тише: не спугнуть. Решил спрятаться за

толстой веткой, обогнув ствол. Подкрасться незаметно. Ещё медленнее. Прижать уши. Лечь животом на холодную сырую кору. Не моргать. Почти замереть...

Задние лапы сами собой переставляются. Дёрнулся хвост. Прыжок! И – цап!

Птичка попалась! Попалась! Всё!

Ах, что это? Лапы разжались.

– Ты кто? Ты, вообще, – ЧТО такое?

Перед удивлённым охотником, едва держась на высохшей перемычке, трепыхался почерневший от дождей и метелей, сморщенный на зимнем ветру, давно увядший прошлогодний тополиный листик. Он тихонько шуршал под весенним солнышком: «штр-рык... ширк...» и улыбался.

Вы представьте только: улыбался!

У Кота дыхание перехватило от возмущения: обман! Какой обман!

– Ты чего улыбаешься, обманщик?

А Прошлогодний Листик прошелестел:

– Я не обманщик, я бабочка.

– И кто же тебе сказал, что ты бабочка? – спросил Кот.

– Однажды осенью на мою ветку села большая чёрная птица. Я уже собирался спрыгнуть вниз, но она остановила меня. Это она сказала, что если я смогу продержаться на дереве до весны, то превращусь в бабочку, такую же чёрную, как она. У меня даже появится имя. Махаон. У меня никогда не было имени. В нашей листовенной семье это не принято. Тогда я решил, что буду ждать весну! Меня покинули друзья,

и я остался один. Но я ждал весну! Меня накрывало льдом и снегом, меня жгло солнце и пугали вьюги, я цепенел от мороза, но я держался из последних сил. До последнего вздоха зимы. Чтобы ещё раз увидеть весну. Чтобы почувствовать себя сильным и свободным. И превратиться в бабочку!

И вот говорящий Листик оторвался от ветхой перемычки и вспорхнул, закружился, полетел... Под ослепительным мартовским солнцем он был похож... нет, не на птичку – на бабочку, на прекрасного Чёрного Махаона, такие живут лишь в загадочной Индии.

Кот ничего не знал о Чёрных Махаонах и никогда их не видел. Он с удивлением смотрел на обычный прошлогодний сухой лист, который радостно и стремительно удалялся, мелькал среди сотен восторженных веток, и как будто светился. Но тут – о, ужас! – Весьма Важный Кот обнаружил вдалеке совсем маленькую крышу своего дома. Так высоко он забрался.

Трёхэтажный дом теперь стал похож на спичечный коробок. А кто это рядом с домом подпрыгивает и размахивает метёлкой? А, это крошечный – не больше муравья – дворник Вениамин.

Кот прижал уши и ещё раз посмотрел вверх: вот, оказывается, где кончается дерево. Последняя тоненькая веточка дрожит-раскачивается на мартовском ветру, а за ней начинается свежая небесная синева, которой ни конца, ни края. «Сидеть мне здесь до самого тёмного вечера, – подумал кот». Он взглянул вниз и оробел: ветки и крыши вдруг закружились, хвост сам

собой завернулся колечком, но Весьма Солидный Кот молчал, потому что очень надеялся, что его спасут.

Крошечный дворник Вениамин бросил малюсенькую метёлку и полез на дерево. У него это получалось не так хорошо, как у кота, но всё-таки. «И зачем он на дерево лезет? – размышлял Весьма Солидный Кот. – Здесь ни еды, ни мусора».

– Слезай! Когтями цепляйся, – крикнул Веня.

«Не могу!» – ответил Кот. А получилось:

– Меу! Моу!

Вениамин приближался. Вот он на середине пути, и уже вполне похож на человека, а не на муравья.

– Слезай, говорю, – прокряхтел дворник. – Кыс-кыс-кыс, по-хорошему прошу. Я дальше не долезу. Радикулит.

Вениамин обхватил ствол тополя и потряс изо всех сил. Ветка под Весьма Солидным Котом даже не качнулась, но кошачьи когти вцепились в дерево ещё крепче. «Каравул!» – хотел крикнуть Кот, а получилось:

«Маул!»

– Вениамин Петрович! Доброе утро, – послышалось снизу.

– Теперь уже и не знаю, доброе ли – ответил Веня с дерева. – Ваш кот?

– Наш, Венечка, наш! Что же делать-то?

– Ага, так и знал. А зовут как?

– Бас, Басик он.

Сердце Весьма Важного Кота подпрыгнуло от радости. Хозяйка Наташа! Вот его спасение! Не то, что

дворник: только деревья трясти умеет да метёлкой махать. «Наташаа!» – хотел позвать Кот. А получилось: «Ма-а!»

– Басик, миленький, слезай!

Теперь и хозяйка была похожа на муравья в синем платье. Она смотрела на Кота с балкона, а в руке держала откусанный бутерброд с колбасой.

С макушки дерева ароматное лакомство было видно почему-то особенно хорошо. И черепаховый решился – пополз ближе к стволу. Лапы замёрзли, не слушались.

В этот момент дворник Вениамин поскользнулся на мокрой ветке и повис на ней, как акробат на перекладине. Старый тополь вздрогнул. Кот замер. Когти схватили дерево крепко, как гвозди. Вениамин тоже висел прочно, но молчал и не сдавался. Хозяйка Наташа ахнула и выронила бутерброд.

Тут кошачьи нервы сдались. Весьма Солидный Кот зажмурился и подумал: будь что будет, прыгаю, не могу смотреть, как завтрак пропадает.

– Вениамин Петрович, вы только не волнуйтесь, я сейчас лестницу принесу, – слышался издали хозяйкин голос.

– Эй, десант, или как там тебя, Бас? Проголодался, небось. Вот, жуй, – предложил знакомый голос совсем рядом.

Кот приоткрыл правый глаз: перед ним сидела Ворона, а рядом, на сучке, как на вилке, болтался розовый кусок «Докторской».

– Ну ты вообще! – мявкнул несчастный и про-

глотил подарок. Слово «спасибо» он забыл. От радости. – А ещё принести можешь?

– Делать мне нечего – котам колбасу таскать. Ты что, тут всю жизнь сидеть собрался?

– Не знаю. А вдруг.

– Подкрепился, и слезай. Мне гнездо вить пора, я это место ещё с осени присмотрела.

– Не слезу.

– Это ещё почему? – Ужасно Нервная Ворона выпучила чёрные блестящие глазки. – Убирайся, говорю. Лети отсюда по-хорошему, маши крыльями!

– Не могу. Честно.

– Почему не можешь?

– Крыльев не имеется. Махать нечем.

– Ага, крыльев нет, говоришь? Тогда как сюда забрался? И зачем? Или опять скажешь: утренняя прогулка?

– Хотел посмотреть, где дерево кончается.

– Ну посмотрел?

– Посмотрел. – Весьма Солидный Кот вздохнул.

– Вот и хорошо, а теперь убирайся! – Гаркнула Ворона, да так тюкнула кота по спине огромным клювом, что любой другой представитель кошачьих, включая тигра и пантеру, наверное, уже давно бы плюхнулся вниз. Но для нашего кота это было бы не солидно.

– Да прыгай тогда хотя бы, – не унималась Ворона. – Говорят, у котов девять жизней, ну истратишь одну. Ещё целых восемь останется. Восемь раз сможешь дерево измерять.

– Не-а, не останется, – мявкнул Марс. – Я считать

не умею.

Ворона сделала шаг поближе, и наклонив голову, вкрадчиво спросила:

– А слышала я от других ворон, что ты петь умеешь. Правду говорят или сплетничают?

Кот не знал, умеет ли он петь, хотя утренний разговор хозяев запомнил. На всякий случай спросил:

– А тебе зачем?

– Понимаешь, вокал – моё увлечение, моя, можно сказать, мечта с самого птенчества. Хочу научиться петь лучше всех ворон, как соловей, понимаешь? Или как дрозд хотя бы. Хочу попасть в Книгу Рекордов, а ещё лучше – в оперный театр. Тренируюсь каждое утро, а всё кажется мне – чего-то не хватает. Вот послушай: кАрры-трры-курры... Ну как?

– Честно? Ну как бы...

– Да ладно, говори как есть, я не обижусь, мне так нужен совет специалиста, такого как ты профЭссионала... урок! О! Это было бы замечательно! Дай мне урок вокала, милый весьма важный, весьма солидный Кот! И тогда я исполню любое твоё желание.

– Любое? И спуститься поможешь, и домой вернуться к ужину?

– Помогу. Хотя пока не знаю, как. Но я обещаю. Пожалуйста, всего лишь один урок!

Очень Нервная Ворона, умоляюще сложив крылья, подошла совсем близко.

– Я вся внимание.

– Ну хорошо. Попробуем. Но я ничего не гарантирую.

Ворона кивнула и прокашлялась. Кот набрал побольше воздуха, выгнул спину, распушил хвост и изо всех сил завопил:

– МАО! МАААО!

На третьем «МАО» он решительно прыгнул Вороне на спину, крепко обнял её и вдруг полетел! Над ним чёрным парашютом, с хлопком расправились вороньи крылья.

«Рразбо-о-ой! Кааарр...» – возопила пернатая ученица, выходя из пике. Мелькали ветки. Стремительно приближалась, увеличивалась серая шиферная крыша. Кот зажмурился и, как по горке аквапарка, скатился на родной балкон.

В это время хозяйка Наташа вызволяла дворника Веню: держала лестницу, пока тот шаг за шагом возвращался на землю.

– Вы видели? – спросила она. – Вы видели, как он летел – наш Басик? Совсем как большая бабочка Чёрный Махаон. О них вчера по телевизору рассказывали. Такие прекрасные! Только живут далеко, в загадочной Индии. Спасибо вам, наш котик наконец-то дома.

На балконе Пётр Валентинович – учитель сольфеджио и по совместительству хозяин Весьма Солидного Кота – с восхищением провожал взглядом всклокоченную Ворону:

– Поразительно! Не «кар», а чистое сопрано!

ЛЕВАЯ И ПРАВАЯ

Сказка про перчатки

Жили-были две перчатки. Они были похожи друг на друга, как сестрички-близняшки: обе белые, мягкие, пушистые. Связала их бабушка для любимой внучки Машеньки из тёплой ангорской пряжи. Только одна была левая, а другая – правая. Так их и звали: Левая и Правая.

Однажды повели их на прогулку.

Левая вздыхала: «Ох, как тут холодно, как сыро! Я вся продрогла от ветра. Я промокла от снега. Пожа-лейте меня!».

И тогда Машенька положила её в левый Карман. Подружилась Левая с Карманом, свернулась клубочком, согрелась и уснула в нём.

А Правая удивлялась: «Какая странная у меня сестричка. Ведь так прекрасен мир вокруг! Так ярко светит солнышко! Так блестит снег! А ну-ка, поиграю в снежки! Вот здорово!».

И она играла вместе с детьми в снежки, каталась с Машенькой на санках и так расшалилась, что стала убежать: то за ветку зацепится, то в сугроб прыгнет, под снегом спрячется. Испугалась Машенька, что потеряется Правая, и тоже её в Карман положила, только в правый.

Перчатке там не понравилось.

«Тесный ты и тёмный, – сказала она Карману. – Сначала мусор выброси, потом меня приглашай, сколько фантиков накопил».

Обиделся Карман на Правую перчатку и стал её выгонять. Толкал, толкал и вытолкал.

К счастью, Машенька уже домой пришла. Правая на пол упала. «Какая же ты шалунья, Правая перчатка!» – сказала бабушка и положила сестричек на батарею греться. Левая даже не проснулась, а Правая всё вспоминала, как интересно было на улице.

Наступила ночь. Скучно стало Правой перчатке, и попросила она Батарею: «Эй, Батарея, спрячь меня! А утром я тихонько в окно выпрыгну и буду одна играть в снежки, кататься с горки и забираться на деревья». В ответ Батарея булькнула что-то непонятное. А Правая – прыг – на подоконник, да не удержалась, за Батарею упала и застряла там. Как ни старалась, выбраться не смогла.

Утром Машенька нашла только Левую перчатку и заплакала: «Такая красивая, белая, мягкая, пушистая! И одна! Что же мне теперь с тобой делать?».

Где только не искали Правую: и на вешалке в прихожей, и в шкафу, а за Батарею заглянуть не догадались.

И тогда бабушка взяла Левую и подвернула на ней крайние пальчики, оставила только два средних – на макушке. «Это ушки» – сказала она. К ладошке пришила чёрные бусинки: «Это глазки». И розовой ниткой вышила нос. Наполнила бабушка перчатку

ватой и перетянула ниткой. Посмотрела Машенька – а это уже и не перчатка вовсе, а Зайчик, белый, мягкий, пушистый. Обрадовалась девочка и стала его наряжать, песни ему петь и спать укладывать.

А что же Правая перчатка? Прележала она за Батареей до лета. Запылилась немного. Стал играть щенок Тимка и нашёл её. На улицу утащил. Так отправилась Правая путешествовать. Только где она сейчас – никто не знает. А вы не видели?

БАРСИК

*Почти правдивая история,
рассказанная одним мальчиком*

Однажды на даче пошли мы с ребятами на рыбалку. У каждого – удочка, банка с червяками и ведро для рыбы.

Пришли на пруд. Удочки закинули. У Стасика то и дело рыба клюёт. Наловил он рыбы целое ведро. И ещё ловит. Я ему даже своё ведро отдал. Он и его почти полное набрал. Илья до половины ведро рыбой наполнил. Оба довольные сидят, улыбаются.

А я сколько ни старался, как удочку ни забрасывал – ничего не клюёт, а червяки пропадают. Так всех червяков перевёл. Взял я тогда корочку хлеба «Бородинского», нацепил на крючок и закинул в пруд. Ждал-ждал. Вдруг смотрю: круги по воде пошли, поплавок заплясал. Я обрадовался да как дёрну! Смотрю – а за крючок ма-аленький карасик зацепился и на меня смотрит испуганно. Жалко мне его стало, а отпустить не смог. Побоялся, что дома смеяться надо мной станут, мол, вот горе-рыбак, ничего не поймал.

Набрал я воды в баночку из-под червяков и запустил туда рыбку. Дома на мою рыбку посмотрели и ничего не сказали. Посадил я тогда карасика в банку из-под варенья, и стал он у меня жить. День живёт,

второй, третий. Я его крошками хлебными кормлю,
мушками всякими. Вот смотрю – а он уже в банку из-
под варенья не вмещается. Вырос.

Пересадил я рыбку в банку из-под огурцов. Ка-
мешков насыпал на дно, водорослей из пруда принёс,

чтобы уютно было в банке. И опять товарища своего кормлю то крошками, то мушками. Привык я к карасику. Назвал его Барсиком и решил, что никогда с ним не расстанусь.

Барсик тоже ко мне привыкать начал. Ест крошки «бородинские» и на меня из банки смотрит, улыбается. А сам уже и в банку из-под огурцов не вмещается. Опять вырос.

Пришлось его в город в железном ведре везти. Выпросил я у мамы на свой День рождения аквариум для Барсика. Сто литров, с фильтром и кондиционером. Стал карасик в аквариуме жить. Сначала ему плавать было просторно, а потом он и из аквариума тоже вырос. Да так неожиданно. Прихожу из школы, а у карася хвост наружу, ни повернуться не может, ни нырнуть.

Что делать? Набрал я срочно воды в ванну и туда своего карася пересадил. Карасю хорошо стало, а всем, кто в квартире живёт, – не очень. Ни постирать, ни искупаться. Ходим все немые, в грязной одежде.

А Барсик всё растёт и растёт, плавники топорщит – в ванну уже не вмещается.

Что делать? Позвонил я в МЧС, спасателям. «Спасите – говорю – мою рыбку, она растёт не по дням, а по часам».

Спасатели приехали на грузовой машине с надписью «Рыба». Посадили в неё карася, к речке отвезли и там выпустили.

Стал Барсик в речке жить. А я к нему каждый день приходил, хлебом «Бородинским» кормил, ново-

сти рассказывал. А он плавал, плавал в речке и опять вырос: теперь речка из берегов выходит, вода на улицы города выплёскивается. Тесно карасю стало даже в нашей большой речке.

Думали мы с ним, думали, как дальше быть, и решили, что надо ему в море перебираться. Обнял я своего друга Барсика, пожелал ему счастливого пути, и уплыл он в море. Стал там жить. А я к нему на летних каникулах каждый год приезжал, хлеба «Бородинского» привозил. Вот приду на берег, крикну: «Барсик!» А он тут как тут. Хлебушка пожуёт, новости послушает, обнимет меня и опять в море, на просторе плавать.

Приехал я однажды на море, смотрю, – а мой карась уже и в море не вмещается. Сам над волнами плещется, а хвост на пляже отдыхающих беспокоит. Отдал я ему буханку и говорю: «Давай, Барсик, плыви в океан!»

Поплыл Барсик в океан, в кругосветное путешествие отправился. Я к нему то в Австралию приезжаю, то в Африку, а один раз даже в Антарктиду. Привожу в подарок из России хлеб «Бородинский». Уж очень мой карасик его любит. Я за ним весь мир объездил. А он всё растёт и растёт.

Вот уже и в океане ему тесно. Стал карась больше, чем Евразия и Америка вместе взятые. И пришлось ему тогда в небо синее нырнуть. Как гигантский дирижабль, ходит теперь по небу. Хорошо ему там, просторно. А люди с земли смотрят на него вверх и говорят: «Смотрите, какое облако большое, на рыбу похоже!». Но я-то знаю, что это мой Барсик.

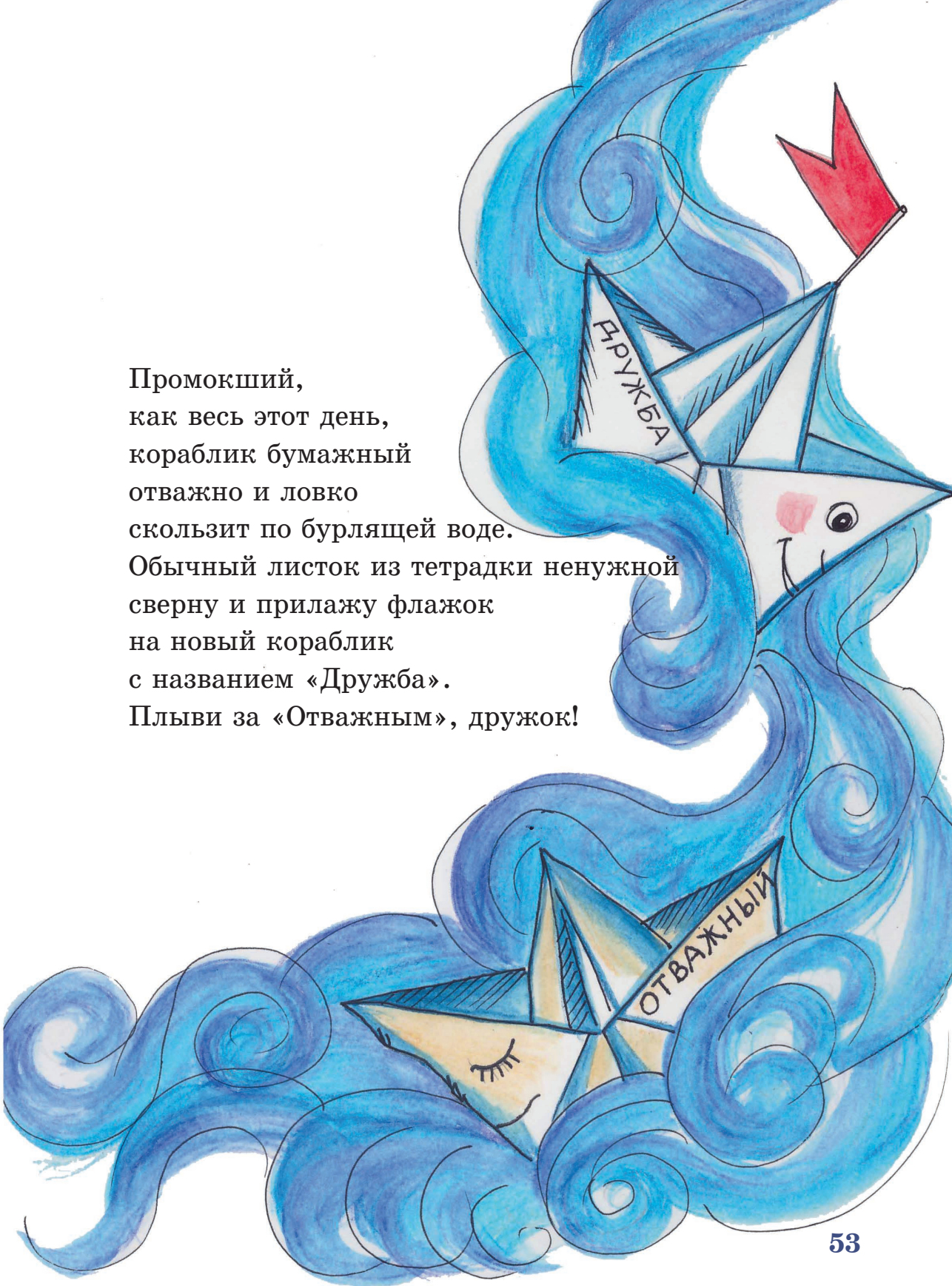
Стихи для детей

КОРАБЛИКИ

Кораблик бумажный
с названьем «Отважный»
несёт по оврагу ручей.
А вслед ему смотрят мальчишки,
и каждый
решил,
что кораблик ничей.
Они догоняют его —
не догонят,
сползая в весеннюю грязь.
И кто-то кричит:
«Всё равно он утонет!»
и камень бросает, смеясь.
А после корявые палки
и комья
земли
ударяют в корму.
Взрываются брызги...
Но чудо какое
спастись помогает ему —
кораблику лёгкому,
как треуголка?

Промокший,
как весь этот день,
кораблик бумажный
отважно и ловко
скользит по бурлящей воде.
Обычный листок из тетрадки ненужной
сверну и прилажу флажок
на новый кораблик
с названием «Дружба».
Плыви за «Отважным», дружок!

ПРО КОТЁНКА

Мы шли по знакомой тропинке из школы
Домой через парк, по-осеннему голый
И грустный. Шёл дождь вместе с нами и тучи
Прижались к деревьям, сырым и колючим.

Мы шли через лужи, брели через яму
И возле киоска слышали «МЯУ!».

И мы оглянулись и остановились,
Позвали: «кис-кис!», а потом притаились.
Серёга вдруг плюхнулся на четвереньки
И сразу котёнка нашёл под ступенькой.

И шерсть на котёнке клочками торчала.
Серёга его испугался сначала.
А Борька воскликнул: «Он мокрый и грязный!
Не трогай его, он, наверно, заразный!»

«Какое же это имеет значенье!» —
Серёга сказал и насыпал печенья.
Котёнок прижал полосатые уши,
Зажмурил глаза, не пищал и не кушал.

А Катя сказала: «Давайте уйдём.
Мы разве котёнкину маму найдём?
Здесь кошек бездомных водится тьма.
Пусть кошка котёнка отыщет сама».

Мы дальше пошли по знакомой тропинке.
Серёга сопел и смотрел на ботинки.
Девчонки молчали, и хлюпала носом
Отличница Катя. «А скоро морозы
И снег», – прошептала она у подъезда.

И все разошлись. Я стоял под навесом
И видел везде полосатые уши –
На дереве, на тротуаре и в луже.
И понял, что там, под ступенькою грязной,
Мой друг пропадает, больной и несчастный.

И стало темно, и тропа стала скользкой,
И долго сквозь дождь я бежал до киоска,
Скорей, через лужи, быстрее, через яму.
Я папу смогу упросить, даже маму,
Ты только найдись, ты прости меня только,
И завтра узнают Серёга и Борька,
Каким замечательным был этот вечер:

**МОЙ МОКРЫЙ КОТЁНОК
БЕЖАЛ МНЕ НАВСТРЕЧУ!**

ЗИМА ПОХОЖА НА СОРОКУ

Зима похожа на сороку:
Трещит поленьями в печи,
По белым перекрестьям окон
Тихонько ветками стучит,
Сбивает снег с озябших елей,
В пустой метельной суете
Не замечая – свет капли
Уже мерцает на хвосте.

АВГУСТ

Август — торба расписная:
Яблок красные шары,
Листьев прозелень резная
Потускнела от жары,
Над водой блестят стрекозы,
Куры прячутся в кустах,
Бахромою на берёзах
Обтрепалась береста.
Над рекой — закат медовый.
На мостках сидит рыбак —
Хоть и не было улова,
Улыбается, чудак.
Скачет по траве кузнечик,
Шмель качнулся бубенцом,
С луговины тёплый ветер
Лошадью дохнул в лицо.
Пропылил через деревню
Смуглый велосипедист.
А в саду упал на землю
С яблонь первый жёлтый лист.

НА РЕЧКЕ

Летний день ленив и жарок;
и живой пронзает луч
череду прозрачных арок
в речке.

Воздух сух, тягуч.

С ветки прочной,
будто с вышки,
спрыгнув там, где глубоко,
плещутся,

кричат мальчишки:

«Как парное молоко!»

Из-под листьев глаз скворечный
наблюдает — «подсеку!» —
как бежит жучок беспечный
по горячему песку.

РЕКС

Папа с мамой в День рождения
Подарили мне щенка.
Громко лаять, к сожалению,
Не умеет Рекс пока.
Не умеет он сердиться,
Выполнять команду «фас»,
Вырастет и на границе
Охранять не сможет нас.
Я учил его кидаться
На рукав —
он хвост поджал.
Я учил его кусаться —
Он в кладовку убежал.
Он зевал, когда я гавкал.
Рекс учиться не хотел,
Отнимал и прятал тапки,
А печенье быстро ел.
Он разбил в гостиной вазу —
Я в углу стоял полдня,
А гулять выходим — сразу
Убегает от меня.
Я спросил у папы:
«Слушай,
Как мне дальше с Рексом быть?»
Улыбнулся папа:
«Лучше
Научи его дружить».

ЕХИДНА

Добродушной ехидне обидно,
Что её называют ехидной.

От обиды чернеют иголки
На колючей ехидниной чёлке.

И так она обижается –
Из норы выходить не решается.

И теперь никто не узнает,
Что ехидной она не бывает.

Я УМЕЮ

Я умею мыть посуду,
только мыть её не буду.
Если пылесос включу –
пылесосить не хочу.
Мусор выбросить пора –
пусть потерпит до утра,
или даже до субботы
(будет мамин выходной),
мало ли ещё работы,
трудно сделать всё одной.
Если в детстве я устану,
как потом певицей стану?

КОТ НА СОЛНЦЕ

А на солнце живёт
Рыжий кот!
Очень любит лакать облака,
Шевелить огневыми усами
И на птичек смотреть свысока
Ослепительными глазами.

ВЕРТОЛЁТ

Я стул поставил на комод,
И получился вертолёт.

Я сел в него,
И рядом сел
Мой кот – второй пилот.

Над нами шторы – облака,
Внизу бурлит Ковёр – река,
А впереди Диван – гора.
Пилот, взлетать пора!

Наш экипаж готов в полёт.
Эй, от винта!
Мотор ревёт:
Р-р-р-ж-ж...
Вдруг убежал
второй пилот – мой кот.

Но смело я смотрю вперёд:
Лети, лети, мой вертолёт!

Тут папа в двери заглянул:
«Слезай, не то сломаешь стул!»

И превратился вертолёт
В обычный стул,
В простой комод.

ПЧЕЛА

Заболела пчела, простудилась,
Не летала она, не трудилась,
А лежала пчела и вздыхала,
И в платочек узорный чихала.
А-а-пчхи! Ох!

Так чихнула пчела,
Что упала в чулан!
А-а-пчхи! Ах!

Почему опять пчела
И бодра, и весела?

Потому, что в чулане у пчёлки
Мёд цветочный припрятан в бочонке!

БРОДЯЧИЙ АРТИСТ

Шёл человек нестарый
С мартышкой молодой.
Он нёс с собой гитару
И лучик золотой.
Мартышка пела песни
И делала «шпагат»,
И раздавала детям
Молочный шоколад.

Шёл человек немолодой
С большой седой бородой,
С мартышкой очень старой
И сломанной гитарой.
К ним выходили люди,
Дарили шоколад
И громко пели песни,
И делали «шпагат»!

БАРБОС-МАТРОС

Через мостик шёл Щенок –
Чёрный хвостик, белый бок.
А по речке плыл Барбос –
Рыжий хвост и чёрный нос.
Говорит ему Щенок:
– Ты до шерсточки промок!
А в ответ ворчит Барбос:
– Закалённый я матрос.
Я плыву, где захочу,
И щенков нырять учу.

БОРОВИК

Где прохлада и родник,
Спит в лесочке боровик.
А вокруг – трава, трава,
И тропа видна едва.
Боровик к траве приник.
Не буди его, грибник!

СОВА

Не глаза у совы, а две луны.
И не крылья у совы, а две волны.
И не когти у совы, а ножи.
А кафтан её туманами расшит.
И не вздрогнут ни листва, ни трава,
Если выйдет на охоту сова.
Как проснётся сова, крикнет: «УХ!» —
В норки прячутся все мыши вокруг.

СОДЕРЖАНИЕ

Сказочные истории	3
Потому что волшебный	5
Как Ворона на Сову обиделась.....	11
Очень Шумный Пёс	17
Как Грустная Кукушка свой дом искала	21
Где кончается дерево.....	31
Левая и Правая	43
Барсик.....	47
Стихи для детей	51
Кораблики.....	52
Про котёнка	54
Зима похожа на сороку	57
Август.....	58
На речке	60
Рекс	61
Я умею.....	62
Ехидна	62
Кот на солнце	63
Вертолёт	64
Пчела	66
Бродячий артист	67
Барбос-матрос	68
Боровик	69
Сова	70

Елена Анатольевна Машукова

ПОТОМУ ЧТО ВОЛШЕБНЫЙ
Стихи и сказочные истории
для детей дошкольного
и младшего школьного возраста

Художник Марина Булохова
Дизайн и компьютерная вёрстка: Марина Соломатина
Технический редактор Г. В. Скорикова

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ПАО «Типография «Труд»
302028, г. Орёл, ул. Ленина, 1
Подписано в печать:
Формат 70x100¹/₁₆. Усл. печ. л. 8,4
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Тираж 500 экз. Заказ №